

ВЫЯВЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ В ХОДЕ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО

Захарцев С.И.¹, Иванов И.И.², Семёнова И.В.³

Ключевые слова: ложь, социальное явление, показания, потерпевший, расследование, вербальные и невербальные средства общения, уголовная ответственность, допрос, следователь.

Аннотация

Цель статьи: уяснить особенности лжи в человеческой речи, которая служит средством вербального общения, позволяющим трансформировать интеллектуальную деятельность в звуки, сообщения, а также то, как ложь в показаниях потерпевшего оказывает противодействие расследованию преступления.

Материалы и методы: эмпирическая основа статьи — научные труды по исследованию лжи с точки зрения философии, психологии, криминалистики.

Результаты исследования: проведен анализ передачи информации между людьми, где основным средством связи выступает речь, особенно, если процесс взаимодействия носит официальный характер.

Обсуждение и заключение: рассмотрены аспекты, имеющие важное практическое значение в борьбе с ложью — борьбе, частью которой является деятельность по расследованию преступлений. Отношение к сообщению, в частности, к показаниям при расследовании, как к достоверному или ложному, складывается не только из его формального соответствия действительности, но и из психоэмоционального освоения этого сообщения воспринимающим субъектом. Часто встречается сопротивление раскрытию преступлений. Среди тех, кто мешает расследованию, могут быть очевидцы и жертвы, имеющие свои интересы. Закон обязывает пострадавших содействовать следствию, но не все это делают. На сегодняшний день в арсенале субъектов, проводящих допрос, существует много научных разработок по толкованию невербальных сигналов, свидетельствующих о лжи в показаниях потерпевшего, которые используются при допросе, при этом отсутствует законодательное регулирование механизма реализации сведений о лжи и предоставления их в качестве доказательств.

EDN: UKFXIV

Введение

Истина и вымысел всегда с нами. Как свет и тьма, они демонстрируют противоположности в восприятии социума. С того момента, когда чья-то участь зависит от честности другого, обман, искажающий реальность, становится предметом осмысления и ума.

В общежитийском смысле ложь — это неправда, вымысел. Лгать — значит скрывать правду, искажать действительное положение вещей и состояние дел [1, с. 171]. По С.И. Ожегову, солгать или обмануть — значит ввести кого-либо в заблуждение путём недобросовестного отношения к нему⁴. Другими словами, лгать — значит передавать окружающим не соответствующую действительности информацию,

которая в конкретном контексте общения и образует содержательную составляющую лжи. Таким образом, ложь как социальное явление неотделима от процесса информационного взаимодействия между людьми.

Передача информации между людьми

Все живые существа передают сведения через трехкомпонентную модель: отправитель (инициатор, индуктор), путь распространения (канал передачи сведений, рабочий элемент) и получатель (реципиент, целевой объект). В межличностном взаимодействии в роли инициатора и реципиента выступают соответствующие субъекты (люди), а в качестве канала передачи сведений ис-

⁴ Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1989. С. 118.

¹ Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, академик РАЕН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

² Иванов Иван Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru

³ Семёнова Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, начальник кафедры Санкт-Петербургского ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: 9053202867@mail.ru

пользуются вербальные и невербальные средства общения [2, с. 171].

Человеческая речь служит средством вербального общения, позволяя трансформировать интеллектуальную деятельность в звуки, сообщения. В связи с этим речь выступает основным средством передачи информации между людьми, особенно если процесс взаимодействия носит официальный характер. В то же время речь человека сопровождается невербальными элементами, способными оживить текстуальную составляющую (позы, жесты, мимика, паралингвистические и просодические особенности речи и т. д.). Последние не имеют строгой нормативной определённости, в силу чего при формализованном общении их значениям не придаётся столь же важного значения, какое имеют произнесённые слова. Вместе с тем, по мнению многих исследователей проблемы невербальной коммуникации, указанные средства общения могут быть чрезвычайно информативными в процессе межличностного общения, подчас сообщая реципиенту те сведения, которые отправитель сообщения предпочёл бы скрыть [3, с. 359].

Ложь, по сути, представляет собой «сбой», происходящий в работе вышеуказанной системы «индуктор → канал передачи → реципиент» в силу объективных или субъективных факторов, в результате чего происходит искажение или блокировка информации со стороны индуктора (источника информации), что приводит к формированию преград на пути полноценного восприятия информации реципиентом.

Передача информации в межличностном общении от индуктора к реципиенту представляет собой нелинейный процесс, проходящий через ряд стадий, основными из которых являются: 1) собственно передача информации индуктором во внешнюю среду и 2) восприятие и освоение этой информации реципиентом. Поэтому в структурном плане применительно к анализу явления лжи движение информации должно рассматриваться как минимум в двух аспектах: коммуникативном и гносеологическом. В коммуникативном аспекте основное значение приобретает смысл передаваемого сообщения, который может как соответствовать, так и не соответствовать реальному положению дел. В гносеологическом же аспекте, отражающем способность субъектов адекватно воспринимать и оценивать передаваемую информацию об окружающем мире и моделировать на этой основе собственную активность, внимание должно быть сосредоточено на закономерностях познавательной деятельности реципиента.

Соотношение лжи и истинности в показаниях потерпевших

Выделение указанных аспектов имеет важное практическое значение в плане борьбы с ложью в

социальной практике, частью которой является деятельность по расследованию преступлений, поскольку отношение к сообщению, в частности, к показанию при расследовании как к достоверному или ложному, складывается не только из его формального соответствия действительности, но и из психоэмоционального освоения этого сообщения воспринимающим субъектом. Эта психоэмоциональная оценка может быть адекватной, и тогда правдивость/ложность показаний устанавливается верно, и неадекватной, что приводит к ошибкам (например, правдивые показания могут оцениваться как ложные, и наоборот).

В научных исследованиях проблема лжи обычно рассматривается в коммуникативном аспекте, т. е. в аспекте рассмотрения её содержания и сущности как явления межличностного общения. Несмотря на общие, казалось бы, очевидные представления о содержании лжи и её оценке как негативного явления, сама ложь продолжает оставаться предметом многочисленных исследований, неизменно возбуждая интерес представителей различных наук. Сохранение актуальности темы лжи обусловлено не только чисто познавательным интересом к этому явлению, но и тем важным значением, которое она приобретает в некоторых сферах профессиональной деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Вообще, исследования сущности и распознавания лжи (искренности) ведутся уже достаточно давно [4, с. 224]. В настоящее время накоплен значительный эмпирический материал, сделан ряд плодотворных теоретических обобщений.

Вместе с тем единое понимание категории лжи не выработано, несмотря на значительное число исследований. Для российской науки, психология понимания и распознавания лжи является относительно новой и малоизученной областью исследований. Научные труды анализируют ложь через призму этики и психологии. В зависимости от уклона исследователя в сторону одной из этих составляющих трактовка «неправды» варьируется.

Так, К. Мелитан считал, что неправдивость указывает на моральную нечистоту, ведь обман возникает тогда, когда человек пытается замаскировать свои сомнительные действия от окружающих⁵. Он отражал две существенные характеристики лжи. Во-первых, ложь есть проявление безнравственности, т. е. это вариант поведения, неодобряемый обществом. Во-вторых, природа лжи имеет социальные корни, а сама ложь является результатом социализации человека, приспособления его к окружающей социальной действительности. Последнее мнение нашло позднее поддержку в работах других авторов. Так, Н.П. Дубинин писал: «Очевидно, что основные социальные черты человека, его «человечность», коллективизм, понимание добра и зла, правды и лжи — всё это социально развивалось, было разным для

⁵ Мелитан К. Психология лжи / Пер. с франц. М. : Изд. А. Сомов, 1903. С. 17.

разных исторических эпох, передаваясь при помощи социального (а не генетического) наследования»⁶.

Понимание лжи К. Мелитана в целом соответствует характерной для западной философии и этики формальной оценке лжи как безнравственного и общественно порицаемого явления. Свидетельством этого является мнение И. Канта о том, что ложь является величайшим нарушением долга перед обществом и самим собой⁷. На этой основе, в частности, формируется свойственное западному обществу формально нетерпимое отношение ко лжи в публичных отношениях вообще и, как частный случай, к лжесвидетельству в юридическом процессе, при наличии серьёзных санкций в случае его установления.

Представители отечественной этики и философии, сохраняя в целом негативное с позиций морали отношение к явлению лжи, тем не менее отходят от формальных оценок в этом вопросе. Показательна позиция В.С. Соловьёва, полагавшего, что ложь в словах может иметь оправдание и вообще не являться ложью в её традиционном нравственном понимании, если она не имела безнравственной цели, а была подчинена отстаиванию более высоких ценностей (сохранению жизни (ложь во спасение), любви к ближнему и т. д.)⁸.

Теория О. Липманна и его приверженцев трактует ложь как сознательный акт, призванный достичь определенной цели, что диаметрально противопоставляет ее взглядам на дуэт «мораль и психология»⁹. Каждый сознательный поступок сталкивается с преградами. Когда мы лжём, это противоречие между правдой и вымыслом в нашем уме. Если желание обмануть сильнее, мы выбираем ложь, если же взвешиваем последствия и нравственные аспекты, то склоняемся к правде.

Современная наука активно принимает и изменяет концепцию о том, что в уме лгущего человека происходит столкновение правды и обмана, которое выражается эмоциональным напряжением. Эта идея стала ключевой для раскрытия обмана специалистами в данной области.

Этот подход имеет много сторонников. О. Фрай рассматривает ложь как «акт, преследующий цель сформировать у другого лица убеждение или понимание, которое сам лжец считает ошибочным»¹⁰. Ложь определяется как явление коммуникации, при котором целенаправленно изменяется реальное состояние событий, с целью заблуждения аудитории [5, с. 61]. П. Экман рассматривает ложь как осознанный акт введения кого-то в заблуждение, со-

вершаемый без предупреждения о намерениях и вопреки отсутствию ясных просьб от обманываемого сохранять истину¹¹.

Между представителями указанных подходов, несмотря на имеющиеся у них приоритеты, нет острых противоречий. И те и другие признают за понятием лжи явную негативную презумпцию и не отрицают, что ложь является результатом сознательной волевой деятельности людей и в основном имеет своей целью получение каких-либо выгод.

Вердикт о неправдивости высказываний, содержащих фактические ошибки или искажающих реальность, должен быть вынесен без учёта намерений субъекта. Ложь как элемент психологии не требует фактического обмана. Если кто-то при общении сознательно искажает информацию, это уже считается ложью, даже если в итоге оказывается правдой.

Отмеченные сложности в точном определении объёма понятия «ложь» характерны не только для представителей психологии и философов, они отмечаются и у представителей иных областей знания, в том числе у юристов. Так, А.А. Закастов, принимая во внимание положения логики и философии, заключает, что ложь — это неправда, искажение действительного положения дел, выделяя при этом два вида ложного: преднамеренную и непреднамеренную ложь [6, с. 20—21]. В то же время отдельные авторы, анализируя данный вопрос, приходят к иным выводам, полагая, что «правдивыми могут быть не только достоверные, но и не вполне достоверные показания, если причиной последних были добросовестное заблуждение, неполнота восприятия или забывание, или неосознанное влияние последующих воздействий на воспринятое»¹². Таким образом, недостоверные сведения, которые носят непреднамеренный характер, т. е. вызваны заблуждением, авторы не включают в объём ложного.

Разные взгляды на обман не столь критичны для повседневности, где он редко имеет вес. Но для судебной практики, где честность свидетельств критична, нужны основательные методы выявления неправды, опирающиеся на точное осмысление этого феномена.

В этой связи необходимо выделить основные критерии (признаки), отражающие специфику лжи как элемента межличностного общения вообще и как способа дачи показаний потерпевшим в частности. Данные признаки характеризуют и коммуникативную составляющую лжи, и гносеологическую, связанную с особенностями её восприятия и познания.

В.В. Знаков отмечает, что «ложь имеет отношение, прежде всего, к истинным составляющим знания о мире как самого лгуна, так и понимающего ложное высказывание субъекта. Она направлена на

⁶ Дубинин Н.П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. 1972. № 10. С. 57.

⁷ Кант И. О лжи / Пер. С.Я. Шейман-Топштейн, Ц.Г. Арзаканьян. Под общ. ред. А.В. Гулыги // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 472—473.

⁸ Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Мн.: Харвест, 1999. С. 34.

⁹ Липманн О., Адам Л. Ложь в праве / Предисл. и пер.: А.Е. Брусиловский. Харьков: Юридич. изд-во Украины, 1929. С. 38—40.

¹⁰ Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. С. 37.

¹¹ Экман П. Психология лжи: Руководство по выявлению обмана в деловых отношениях, политике и семейной жизни / Пер. с англ. Киев: Логос, 1999. С. 16.

¹² Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1970. С. 83.

такую коррекцию модели мира понимающего, которая противоречит действительности»¹³. Правдивые показания должны соответствовать объективной действительности, адекватно отражая реально произошедшее преступное событие (конечно, в пределах объёма восприятия) и иные обстоятельства, интересующие следствие. Любое искажение в показаниях обстоятельств преступления и связанных с ним событий, независимо от вызвавших его причин, снижает объективность показаний и вносит в них элемент недостоверности и ложности. Не может рассматриваться как правдивое высказывание, которое не соответствует объективной действительности, но которое ошибочно воспринимается субъектом как истинное. Следовательно, ложь, как и её разновидность — ложные показания, всегда проявляется в передаче недостоверных, неверно отражающих действительность сведений.

Наличие осознанности при высказывании недостоверной информации представляет собой определение сознательности обмана и является критичным для различия ошибки и осмысленного введения в заблуждение. Отличительной чертой сознательного обмана является намерение обманывающего. По этому поводу Г.Г. Доспулов пишет: «допрашиваемый, не желающий давать правдивые показания, наряду с той информацией, которую он воспринял и сохранил в памяти, заблаговременно сознательно формирует и старается запомнить «легенду», т. е. ложную информацию»¹⁴. Осознанность является бесспорным признаком, признанным всеми исследователями данной проблемы.

Обман представляет собой одну из форм воспроизведения недостоверной информации. Заблуждение представляет собой самообман, выраженный в показаниях или иных высказываниях. При подобных высказываниях субъект может быть искренне уверен в истинности даваемых высказываний, и это нередко заставляет его настаивать на данных показаниях. Поскольку при этом заблуждения по-прежнему объективно не соответствуют действительности, такая позиция субъекта ошибочно может быть принята лицами, осуществляющими расследование, за попытку дачи заведомо ложных показаний [7, с. 71].

Вместе с тем с позиций воли и сознания субъекта, дающего показания, заблуждение и преднамеренная ложь имеют различную основу. Заблуждение, в том числе высказанное в показаниях при допросе, как правило, является проявлением сотрудничества субъекта с органами расследования, но в то же время результатом ошибок или пробелов в восприятии, переработке, сохранении и воспроизведении ин-

формации, которые проявляются в процессе ретроспективного познавательного процесса, направленного на установление событий прошлого. Поэтому заблуждение не требует изобличения, а свидетельствует о необходимости помощи допрашиваемому в правильном воспоминании и воспроизведении обстоятельств преступления [8, с. 80].

Иное дело — преднамеренная ложь, которая всегда выступает одним из видов противодействия расследованию и свидетельствует о нежелании лица в полной мере содействовать его ходу. Такая позиция требует от лица, производящего расследование, особых организационных, тактических и психологических усилий для её преодоления [9, с. 448].

Для значительной части представителей современного общества использование недостоверных высказываний, а попросту говоря, ложь, — явление естественное и типичное для большинства актов межличностного взаимодействия. Ложь руководствуется определёнными реальными мотивами и направлена на достижение конкретных целей. В самом общем виде эта цель сводится к тому, чтобы ввести другое лицо (или лиц) в заблуждение, создать у него неверное представление о действительном положении вещей. Но конкретный целевой оттенок этого результата может быть разным. Если человек, сознательно сообщая недостоверную информацию, преследует гуманные цели, защищает государственные интересы либо преследует иные социально одобряемые цели, то в подобных случаях, о лжи в её негативном смысле говорить не принято. Данный критерий, по мнению ряда исследователей, позволяет отграничивать ложь как негативное социальное явление от иных видов сознательно передаваемой недостоверной информации. Так, С.И. Симоненко, развивая эту идею, отмечает, что не все фальшивые свидетельства можно назвать ложью. Отличие лжи заключается в её корыстном характере, когда человек стремится извлечь выгоду или избежать убытков. Но действия, не ведущие к личной выгоде, например, шутки или обман из сострадания, не считаются истинной ложью¹⁵.

Чтобы точнее классифицировать оценочные суждения, требуется ввести дополнительный показатель лжи: предоставление фальшивых сведений с нарушением рамок закона, что позволит чётко устанавливать границы, где ложь неприемлема, т. е. имеет формальную негативную оценку. Правовые нормы имеют формально определённый и государственно-властный характер, за счёт чего обеспечивается их более или менее одинаковое понимание и реализация всеми членами общества. В ряде случаев недостоверные сообщения становятся предметом публичного интереса, и тогда законом устанавливается ответственность за сообщение ложных сведений.

¹³ Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 16—22.

¹⁴ Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1976. С. 32—33.

¹⁵ Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 79.

Исходя из смысла ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), в ходе расследования потерпевший, во-первых, не только вправе, но и обязан давать показания, во-вторых, должен давать правдивые показания, в-третьих, не вправе отказываться от дачи показаний, кроме случаев, оговорённых в ст. 51 Конституции РФ. Для обеспечения этих правил в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) устанавливается уголовная ответственность за лжесвидетельство потерпевшего, т. е. заведомо ложное показание потерпевшего в суде или при производстве предварительного расследования (ст. 307), а также за отказ от дачи показаний (ст. 308). При этом интересна позиция Первого кассационного суда, который трактовал сообщённые суду сведения, носящие лживый характер, как имевшие отношение к состоянию потерпевшего, то есть относились к его личности, а не к фактическим обстоятельствам дела и предмету доказывания по уголовному делу¹⁶, тем самым определив, что не всякие сведения, полученные в ходе расследования и содержащие в себе ложную информацию, могут повлечь за собой уголовную ответственность.

Таким образом, по отношению к потерпевшему критерий нормативности позволяет заключить, что как опасная, а следовательно, заслуживающая ответственности должна оцениваться любая ложь потерпевшего, при условии, что он добровольно дал согласие на дачу показаний, в том числе ее относимость и допустимость к уголовному делу.

Таким образом, чтобы выявить недостоверные показания, нужно следовать нормам о доказательствах, допуская только те, которые соответствуют процессуальным законам и происходят из законных источников. В отечественной научной литературе особо подчеркивается положение о том, что вопросы «доказанности происшедшего события и виновности лица всегда имели первостепенное значение в уголовном судопроизводстве» [10, с. 7].

Дискуссионным является вопрос о том, в какой форме может быть сделано заведомо ложное показание. В ст. 78 УПК РФ показания потерпевшего определяются как сведения, сообщённые им на допросе, т. е. закон не определяет форму представления этих сведений, что порождает заметную неопределённость в решении этого вопроса.

При этом не следует забывать про имеющиеся отличия между тактикой допроса потерпевшего, свидетеля и подозреваемого. Установление доверительной атмосферы в первом случае выступает основным фактором, влияющим на ход расследования [11].

Так, В.А. Новиков выражает мнение, что «ложное показание представляет собой активное речевое действие» [12, с. 6]. В то же время В. Сверчков полагает, что «дача показаний ... означает изложение

в устной, письменной или конклюдентной форме информации о любых обстоятельствах, имеющих существенное значение для разбирательства по делу...» [13, с. 9].

Устная и письменная формы являются традиционными для процесса получения показаний. Устная речь вообще — основное средство передачи сведений при допросе. Неслучайно допрос относят к следственным действиям вербального характера. Письменная форма также может использоваться допрашиваемым, но с некоторыми ограничениями. Ч. 5 ст. 190 УПК РФ предоставляет допрашиваемому право использовать изобразительные средства для изготовления схем, чертежей, рисунков, диаграмм, которые приобщаются к протоколу допроса, о чём в нём делается соответствующая запись. Что касается возможности собственноручной записи потерпевшим своих показаний, то УПК РФ, в отличие от прежнего закона, не предусматривает для него специального права записать показания собственноручно. Однако закон не содержит и запретов для этого. Следовательно, показания могут быть изложены потерпевшим в протоколе собственноручно, но только после того, как он дал их в устной форме.

Использование конклюдентной формы для дачи показаний требует существенных оговорок. В юридической терминологии конклюдентная форма (от лат. *concludo* — заключаю, делаю вывод) сообщения означает передачу его не в устной или письменной форме, а поведением, по которому можно судить о смысле этого сообщения.

Заключение

Таким образом, по существу, декларируется возможность дачи показаний, в том числе ложных, посредством невербальных средств общения (жестов, иных телодвижений и т. д.). В научной литературе вопрос о возможности использования в доказывании невербальных средств общения поднимался неоднократно. При этом широко утвердилось правильное, на наш взгляд, мнение, что с точки зрения законодательства доказательственное значение имеет лишь информация, содержащаяся в устной речи допрашиваемого, надлежаще отражённая в протоколе допроса и в допустимых технических средствах фиксации. Конечно, как средство общения сигналы, выраженные в конклюдентной (невербальной) форме, могут использоваться допрашиваемым для выражения своих мыслей, но они не могут рассматриваться в качестве формы дачи заведомо ложных показаний (кроме случаев дачи показаний глухонемыми — ст. 59 УПК РФ), прежде всего потому, что смысл, который вкладывает в них допрашиваемый, для следователя и других участников процесса далеко не всегда очевиден.

Следовательно, основной формой представления потерпевшим ложных показаний является устная. Использование письменной формы также

¹⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2021 № 7У-2514/2021[77-1283/2021]. URL: <http://1kas.sudrf.ru/>

возможно, но только после получения устных показаний. Дача показаний в конклюдентной форме допускается законом только по отношению к лицам, лишённым возможности давать показания в устной форме (глухонемые).

На основе изложенного представляется возможным прийти к выводу: когда пострадавший

сознательно дает неверные показания, это является формой обмана правоохранительных органов. Такие показания, задокументированные в ходе допросов или других процедур, нацелены на введение в заблуждение следствия и суда, стремясь исказить реальную картину по уголовному делу.

Литература

1. Образцов В.А. Криминалистика : учебное пособие. М. : Юрикон, 1994. 333 с.
2. Носкова Е.В., Путинцева Ю.А. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход // Правосудие. 2020. Т. 2. № 3. С. 165—196.
3. Морозов В.П. Невербальная коммуникация как понятие в психологии // Разработка понятий современной психологии. М. : Институт психологии РАН, 2021. 359 с.
4. Арефьева О.В. Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 215—224.
5. Козловская Н.В., Сопова А.А. Ложь как социально-психологический феномен и фактор психологического здоровья личности // Психологическое здоровье личности: теория и практика : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ставрополь, 10 ноября 2020 г. / Под ред. И.В. Белашевой, Н.В. Козловской, А.С. Лукьянова, Э.В. Терещенко. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2020. С. 60—63.
6. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1999. 150 с.
7. Скоревич А.С. Устранение вызванных добросовестным заблуждением субъективных искажений в показаниях допрашиваемого // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 70—72.
8. Баркова Т.В. К вопросу возможностей изобличения во лжи подозреваемых, потерпевших и свидетелей при расследовании наркопреступлений // Вестник науки и образования. 2019. № 22-1 (76). С. 79—81.
9. Подвойский К.В. Понятие лжи в криминалистике // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 447—452.
10. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика : монография / А.С. Алексанин, И.А. Антонов, С.И. Захарцев, А.Ю. Кийко, В.И. Коваленко, И.Н. Кондрат, Т.Г. Николаева, В.П. Сальников, И.В. Семенова, А.А. Утюганов, А.Г. Хабибулин, О.А. Чабукиани; под общ. ред. д. ю. н., академика РАЕН С.И. Захарцева, д. ю. н., профессора, академика РАЕН, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. 315 с.
11. Лебец А.С., Митракова Е.Н. О применении психологического инструментария как способа повышения эффективности следственных действий: на примере проведения допроса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6 (133). С. 125—128.
12. Новиков В.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложное показание, заключение эксперта или неправильный перевод по действующему российскому законодательству // Следователь. 2004. № 9.
13. Сверчков В. Заведомо ложное показание, заключение эксперта или неправильный перевод // Законность. 2002. № 11. С. 9—11.

CRIMINAL LAW

DETECTING UNRELIABLE INFORMATION BY THE INVESTIGATOR IN INTERVIEWING THE VICTIM

Sergei Zakhartsev¹⁷, Ivan Ivanov¹⁸, Irina Semenova¹⁹

Keywords: *falsehood, social phenomenon, evidence, victim, investigation, verbal and non-verbal means of communication, criminal liability, interview, investigator.*

¹⁷ Sergei Zakhartsev, Dr.Sc. (Law), Professor at the Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

¹⁸ Ivan Ivanov, Dr.Sc. (Law), Professor at the Department of Legal Regulation of Urban Planning and Transport of the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru

¹⁹ Irina Semenova, Ph.D. (Law), Head of Department of the Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: 9053202867@mail.ru

Abstract

Purpose of the paper: clarifying features of falsehood in human speech (being a means of verbal communication transforming intellectual activity onto sounds and messages) as well as how falsehood in the victim's evidence can interfere with the investigation of the case.

Materials and methods used in the study: scholarly works studying falsehood from the standpoint of philosophy, psychology, criminalistics constitute the empirical basis of the paper.

Study findings: an analysis is carried out of information transmission between people where speech is the main means of communication, especially if the communication process is of official nature.

Discussion and conclusion: important practical aspects of fighting falsehood are considered, a part of this fight being the investigation of criminal offences. The attitude towards some information (for instance, evidence given during the investigation) as reliable or false is based not only on its formal correlation with reality but also on the psycho-emotional perception of this information by the perceiving person. One often encounters resistance to the investigation of offences. Eyewitnesses and victims having certain interests of their own can be among those who interferes with the investigation. Under the law, victims are obliged to co-operate with the investigation but not all of them are doing this. Currently, there is a lot of research at the disposal of the interviewer which concerns interpreting non-verbal signals indicating falsehood in the evidence presented by the victim and can be used during an interview, however, there is no legal regulation of the mechanism for identifying information as false and presenting it as evidence.

References

1. Obraztsov V.A. Kriminalistika : uchebnoe posobie. M. : Iurikon, 1994. 333 pp.
2. Noskova E.V., Putintseva Iu.A. Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri otsenke dostovernosti pokazanii v ugovolnom sudoproizvodstve: retrospektivnyi, doktrinal'nyi i prakticheskii podkhod. Pravosudie, 2020, t. 2, No. 3, pp. 165–196.
3. Morozov V.P. Neverbal'naiia kommunikatsiia kak poniatie v psikhologii. Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. M. : Institut psikhologii RAN, 2021. 359 pp.
4. Aref'eva O.V. Teoreticheskie podkhody k opredeleniiu lzhi v kontekste spetsial'nogo psikhofiziologicheskogo issledovaniia s primeneniem poligrafa kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2022, No. 2 (94), pp. 215–224.
5. Kozlovskaiia N.V., Sopova A.A. Lozh' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen i faktor psikhologicheskogo zdorov'ia lichnosti. Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti: teoriia i praktika : sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Stavropol', 10 noiabria 2020 g. Pod red. I.V. Belashevoi, N.V. Kozlovskoi, A.S. Luk'ianova, E.V. Tereshchenko. Stavropol' : Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, 2020, pp. 60–63.
6. Zakatov A.A. Lozh' i bor'ba s neiu. Volgograd : VIuI MVD Rossii, 1999. 150 pp.
7. Skorevich A.S. Ustranenie vyzvannykh dobrosovestnym zabluzhdeniem sub'ektivnykh iskazhenii v pokazaniakh doprashivaemogo. Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenii, 2020, No. 17, pp. 70–72.
8. Barkova T.V. K voprosu vozmozhnostei izoblicheniia vo lzhi podozrevaemykh, poterpevsikh i svidetelei pri rassledovanii narkoprestuplenii. Vestnik nauki i obrazovaniia, 2019, No. 22-1 (76), pp. 79–81.
9. Podvoiskii K.V. Poniatie lzhi v kriminalistike. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve, 2020, No. 4, pp. 447–452.
10. Sledstvennye deistviia i operativno-rozysknye meropriiatiia: pravovaia osnova i pravoprimeritel'naiia praktika : monografiia. A.S. Aleksanin, I.A. Antonov, S.I. Zakhartsev, A.Iu. Kiiko, V.I. Kovalenko, I.N. Kondrat, T.G. Nikolaeva, V.P. Sa'nikov, I.V. Semenova, A.A. Utiuganov, A.G. Khabibulin, O.A. Chabukiani; pod obshch. red. d. iu. n., akademika RAEN S.I. Zakhartseva, d. iu. n., professora, akademika RAEN, zasluzhennogo deiatelia nauki Rossiiskoi Federatsii V.P. Sa'nikova. SPb. : Sankt-Peterburgskii voennyi ordena Zhukova institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii, Fond "Universitet", 2022. 315 pp.
11. Lebedev A.S., Mitrakova E.N. O primeneniі psikhologicheskogo instrumentariia kak sposoba povysheniia effektivnosti sledstvennykh deistvii: na primere provedeniia doprosa. Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 2021, No. 6 (133), pp. 125–128.
12. Novikov V.A. Nekotorye voprosy ugovolnoi otvetstvennosti za zavedomo lozhnoe pokazanie, zakliuchenie eksperta ili nepravil'nyi perevod po deistviuiushchemu rossiiskomu zakonodatel'stvu. Sledovatel', 2004, No. 9.
13. Sverchkov V. Zavedomo lozhnoe pokazanie, zakliuchenie eksperta ili nepravil'nyi perevod. Zakonnost', 2002, No. 11, pp. 9–11.

